

Дождавшись вечера, Тан Шэнь немного помялся, но все же взял приглашение и, даже не переодевшись в чиновничье одеяние, отправился в пригород столицы по указанному адресу. Вскоре он отыскал эту тихую и живописную усадьбу. Стоя у входа и разглядывая с виду непримечательные ворота, Тан Шэнь с удивлением пробормотал:

— И это то самое место, куда меня звал старший брат?

Он поднял взгляд: над воротами висела табличка — «усадьба Люци».

Четыре иероглифа, выведенные на ней, благородной утонченностью напоминали чистый свет яркой луны и одновременно стремительность падающей звезды. Это безусловно был почерк Ван Цзыфэна.

Тан Шэнь простоял у входа совсем немного, как вдруг ворота усадьбы Люци открылись изнутри. Оттуда выбежал человек, похожий на слугу, и произнес:

— Приветствую вас, господин Тан. Хозяин ждет вас уже довольно долго. Пожалуйста, следуйте за мной.

Слуга провел Тан Шэня внутрь, но сам переступить порог не стал.

Тан Шэнь в замешательстве оглянулся на него.

Слуга проговорил:

— На этом я с вами прощаюсь. Господин Тан, прошу вас.

Едва он договорил, тяжелая дверь со скрипом закрылась за спиной Тан Шэня.

Застигнутый врасплох, Тан Шэнь мог лишь обернуться и приняться разглядывать эту изысканную и поэтичную усадьбу.

Примечание автора: Иероглифы «пуше» читаются как «пуе».

Прямо от входа простирался широкий двор, полностью вымощенный гранитом.

Тан Шэнь немного подождал в прихожей, но Ван Чжэнь так и не появился. Не имея иного выхода, он направился дальше, в сад.

Миновав лунные ворота с левой стороны, он увидел пруд с бескрайней гладью изумрудной воды. Выбегая из-под мостиков, пруд тянулся на восток. Идти Тан Шэню было больше некуда, и он побрел вдоль берега.

Во втором дворике висела табличка с названием из трех иероглифов: «Зал Цзуйюэ».

Несомненно, надпись снова была сделана рукой Ван Цзыфэна. Тан Шэнь помедлил, разглядывая ее:

— «Пьянея от луны, упиваюсь хмелем святости, пленившись цветами, забываю о службе государю?..»

Прошла четверть часа, а Ван Цзыфэн так и не появился. Тан Шэнь немного побродил по саду и принялся звать его:

— Старший брат! Старший брат, где ты?

Главное поместье, принадлежавшее Клану Ван из Ланъя в управе Цзиньлин, было огромным: Тан Шэнь провел там целые сутки и так и не обошел его целиком. Но эта усадьба Люци была иной — размером едва ли с четвертую часть владений Клана Ван. Раньше Ван Чжэнь занимал должность второго ранга, а ныне стал высокопоставленным сановником первого ранга. Размеры его жилища строго ограничивались правилами в три пролета в ширину и пять стропил в глубину, так что усадьба Люци никак не могла выходить за эти рамки.

Тан Шэнь быстро обошел всю усадьбу, но Ван Чжэня так и не нашел.

И тут до него дошло: Ван Цзыфэн просто-напросто играл с ним в прятки, иначе как бы он мог его не найти?

Лишившись дара речи от такой детской строптивости, Тан Шэнь решил больше не искать его и просто присел на каменную скамью в саду.

— Ты так и не выйдешь?

— Старший брат?

— Ван Цзыфэн!

Вдруг за спиной раздался шелест сминаемой подошвами травы. Тан Шэнь поспешно обернулся, но опомнился на мгновение позже: Ван Чжэнь сзади закрыл ему глаза ладонями.

— Старший брат... — растерянно произнес Тан Шэнь.

Ван Чжэнь наклонился и тихо прошептал ему на ухо:

— Вообще-то я хотел выйти уже давно. Но ты с таким пылким и милым видом искал меня, что я просто не мог оторвать глаз и решил прятаться еще немного.

Тан Шэнь: «...»

С усилием высвободившись из его рук, Тан Шэнь состряпал невозмутимую мину, но Ван Чжэнь лишь рассмеялся.

Тан Шэнь изобразил глубокомысленную важность:

— С тех пор как мы со старшим братом открылись друг другу, ты изменился.

Ван Чжэнь искренне удивился:

— Открылись в чем?

— ...Ну, в том самом.

Ван Чжэнь с видом полного прозрения воскликнул:

— В том, что ты признался, будто я пришелся тебе по сердцу?

Тан Шэнь стиснул зубы, признавая, что в словесных перепалках он не соперник Ван Цзыфэну, и ему оставалось лишь через силу сменить тему. Притворившись, будто его переполняет

пренебрежение, он произнес:

— Прежде в моих глазах старший брат был сошедшим на землю небожителем, подобным бессмертному из Лунного дворца — можно лишь взирать издали, но не дотянуться. А теперь ты постоянно разрушаешь этот величавый образ. Где тот прежний дух отстраненного бессмертного?

Ван Чжэнь тяжело вздохнул:

— И не подозревал, что младший соученик так сильно любит меня, раз считает небожителем. Раз так, может статья, это ты полюбил меня первым? — Сделав паузу, Ван Чжэнь убежденно добавил: — Ошибки быть не может, именно так все и было.

Тан Шэнь: «...»

Ван Цзыфэн, у кого ты только научился так бессовестно переворачивать всё с ног на голову?!

Видя, что Тан Шэнь распалился и досадует, но при этом беспомощен в споре, Ван Чжэнь пришел в совершеннейший восторг. Он тихо хмыкнул и напрямую обнял Тан Шэня за талию. Тан Шэнь похлопал его по руке, и тот удивленно спросил:

— Что младший соученик имеет в виду?

Тан Шэнь:

— Я и сам умею ходить.

Ван Чжэнь:

— А тайком целовать тоже умеешь?

Тан Шэнь: «...»

Тан Шэнь больше не смел ронять ни слова. Ван Чжэнь повел его дальше показывать усадьбу Люци. Когда они только пришли, солнце заходило за горы и еще не стемнело. К тому моменту, как они закончили прогулку, луна уже поднялась в зенит. Лунный свет плавно разливался по небу и земле, отражаясь в глади широкого пруда усадьбы и озаряя всё вокруг сияющим блеском.

— Парковые сады в Цзяннани славятся тем, что с каждым шагом открывается новый вид. Младший соученик родом из Гусу, тебе это должно быть отлично знакомо.

Семья Тан Шэня была бедна, сам он никогда не жил в пышных садах, но в них жил Лян Сун, так что Тан Шэнь немного разбирался в этом деле. Хотя усадьба Ван Чжэня была не так велика, прекрасные виды встречались тут на каждом шагу. Из любой точки сада открывался абсолютно иной пейзаж — видно было, сколько души было вложено в устройство этого места.

Но еще более ценным было то...

Тан Шэнь поднял голову и посмотрел на табличку над входом в беседку посреди пруда.

«Пуши».

Тан Шэнь:

— «Ели пригнать не удалось, у камня Пуши на миг задержится...» Неужели даже эти иероглифы написаны твоей рукой, старший брат?

Если оглядеть усадьбу Люци, все ее дворики и беседки — абсолютно каждое название было выведено рукой Ван Цзыфэна! Чувствовалась невероятная забота и внимание к каждой мелочи.

Тан Шэнь внезапно понял, что усадьба Люци значит для Ван Чжэня, но сам Ван Чжэнь ничего не стал объяснять. Он лишь взял Тан Шэня за руку и отвел в беседку Пуши. На круглом столе в беседке уже стояли изысканное вино и блюда — всё то, что так любил Тан Шэнь.

Когда они уселись, Ван Чжэнь проговорил:

— Происхождение названия этой беседки младший соученик уже упомянул. А как насчет остальных мест?

Они оба обладали феноменальной памятью. Тан Шэнь закрыл глаза, припомнил и сразу назвал истоки названий остальных двориков и беседок:

— Ворота Сяньсюэ — из строк «Не видно вращения солнца и луны, лишь мокрый снег кружится»? Зал Сяньхань — вероятно, из «Пышна и тиха, словно окутана луной, холодный аромат не уносится ветром»...

Тан Шэнь произносил слова слово за словом. Цветы, луна, доброе вино и дорогой сердцу человек... Подул легкий ветерок, и Ван Цюань, еще даже не прикоснувшись к вину, уже почувствовал себя немного хмельным.

Когда Тан Шэнь договорил, Ван Чжэнь произнес:

— Ты угадал почти всё.

Тан Шэнь озадаченно переспросил:

— Разве я в чем-то ошибся?

Ван Чжэнь:

— Нет, не ошибся, но самое главное младший соученик так и не назвал.

Тан Шэнь долго размышлял, колебался и наконец вспомнил, о чем умалчивал. Подумав еще немного, он промолвил:

— Усадьба Люци... Откуда взялись два иероглифа «Люци», догадаться несложно, но... почему старший брат решил назвать усадьбу именно этим именем?

«Родник журчит прозрачный, бежит рекою в Ци...»

Из стихотворения «Песни царства Вэй · Родник» в «Ши цзин».

К самому стихотворению вопросов не было — прекрасные, исполненные глубоких чувств и светлой печали строки. Но проблема заключалась в том, что в нем пелось о девушке из царства Вэй, выданной замуж на чужбину и тоскующей по родному краю! Ван Цзыфэн выдан замуж на чужбину? Ван Цзыфэн преисполнен девичьей кручины, словно та дева из Вэй?

Тан Шэнь содрогнулся.

...Что за чушь собачья!

Ван Чжэнь принял огорченный вид. Казалось, он хотел что-то сказать, но не смог выдать из себя ни слова и лишь тяжело вздохнул.

Увидев это, Тан Шэнь мгновенно осознал, что за названием «Люци» кроется своя история. Он с участием спросил:

— Что с тобой, старший брат?

— Название «Люци» выбрал не я.

— А?

— Ты догадался абсолютно верно: с чего бы мне давать усадьбе такое имя? Это дело рук учителя, — с легким вздохом сказал Ван Чжэнь. — Больше десяти лет назад учитель узнал, что я построил усадьбу, и пришел взглянуть. Он сам предложил название и шутливо молвил: «Родник журчит прозрачный, бежит рекою в Ци. Цзыфэн, ты живешь на чужбине и построил этот дом от тоски по родному краю. Твоя тоска искренна и глубока, так пусть же усадьба зовется „Люци“!»

Ван Чжэнь посмотрел на Тан Шэня:

— Название, дарованное старшим, отклонить нельзя. Как бы я посмел отказаться?

Тан Шэнь подумал про себя: «Если бы ты действительно не хотел, разве господин Фу смог бы что-то тебе сделать?»

Однако этот вид растерянности и грусти на лице Ван Чжэня выпадало видеть раз в сто лет, и Тан Шэнь не в силах был оторвать взгляд. Плененный его красотой, он завороченно смотрел на него и лишь сбивчиво кивнул.

Ван Чжэнь указал на огромный камень Тайху в пруду:

— Посему пару месяцев назад я раздобыл превосходный дырчатый камень и не обронил ни слова, опасаясь, как бы его не приметил учитель. У этого камня до сих пор нет названия. Не согласится ли младший соученик придумать его?

Тан Шэнь опомнился:

— Я?

<http://bllate.org/book/18292/1757467>